

А. В. БАНК

ДВА ПАМЯТНИКА МЕЛКОЙ ПЛАСТИКИ ИЗ ФЕССАЛОНИКИ

В 1958 г. известный американский знаток византийского прикладного искусства Марвин Росс издал весьма интересный сосуд из серпентина, хранящийся в сокровищнице Сан Марко в Венеции¹ (рис. 1).

Эта ложчатая чаша, известная и ранее², скрывала на дне (внутри), под позднейшим венецианским обрамлением с крышкой, впервые опубликованное Марвином Россом рельефное изображение св. Димитрия. Возможно, Марвин Росс прав, полагая, что форма чаши была издавна знакома византийскому искусству: на это предположение его наводит пример сосуда, изображенного в сцене «Поклонения волхвов» (в руках одного из волхвов) в церкви Сант Аполлинаре Нуово в Равенне. Следует указать, однако, что рассматриваемый тип чаш до последнего времени считался характерным для различных стран Востока, начиная от Сасанидского Ирана³ и кончая Китаем⁴; известные там экземпляры (керамические или изготовленные из золота и серебра) датируются не позже IX в. Тем более интересна византийская чаша из Сан Марко, которую ее издатель относит к XII или даже началу XIII в. и предположительно приписывает ей фессалоникское происхождение.

Свои заключения Марвин Росс строит, привлекая аналогии, имеющие отдельные общие черты с интересующим его памятником, однако во многом от него отличающиеся. Приведенный им мраморный рельеф из Сан Марко⁵ сходен с чашей лишь в том, что в обоих случаях Димитрий представлен извлекающим меч из ножен. Во всем остальном, начиная с положения фигуры (в одном случае стоящей, а в другом сидящей), и иконографически и стилистически оба произведения резко различаются.

О. Демус определил рельеф из Сан Марко как произведение византийского искусства (несмотря на сопровождающую его латинскую надпись) и отнес его к концу XII или даже второй половине XIII в. Не рискуя

¹ Marvin C. Ross. A byzantine Bowl in Serpentine.— «Greek and Byzantine Studies», July 1958, San Antonio, Texas, p. 43—48.

² A. P a s i n i. Il tesoro di San Marco in Venezia. Venezia, 1885—1886, p. 66, tav. LIV, n. 128. За содействие в получении фотографии чаши искренне благодарю г-на Марвина Росса (США, Вашингтон).

³ И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, табл. 57, 58, 63.

⁴ W. Willetts. Chinese Art, v. II, Pelikan Book. Suffolk, 1958. p. 459—462. fig. 66; B. G u l l e n s v a r d. Tang Gold and Silver. Göteborg, 1957, p. 58—60. fig. 20—21, pl. 4a. За указание на эти памятники приношу глубокую благодарность Б. И. Маршаку.

⁵ R. L a n g e. Die byzantinische Reliefikone. Recklinghausen, 1964, n. 28, S. 87—88; O. D e m u s. Die Reliefikonen der Westfassade von San Marco.— JÖBG, 3, 1954, S. 95 und ff.

Рис. 1. Чаша с изображением св. Димитрия, серпентин. Сокровищница Сан-Марко в Венеции.

спорить с О. Демусом (хотя венецианский рельеф и выходит за обычные представления о византийской скульптуре допалеологовского периода), я полагаю, однако, что этот памятник относится к совершенно иному художественному кругу, чем чаша из серпентина. Несколько ближе к ней другой пример, приведенный Марвином Россом: это камень с изображением Алексея Дуки, преклоненным перед св. Георгием⁶. Однако и здесь заметны различия в трактовке волос, в характере исполнения лиц и одежды; едва ли можно усомниться в том, что камень относится к более позднему времени.

Св. Димитрий нередко изображался на византийских памятниках прикладного искусства⁷, в частности на изделиях из слоновой кости и стеатита: тип мученика в патрицианских одеждах, с крестом в руке постепенно вытеснялся образом воина. Среди других широко известна многократно изданная иконка из черного сланца (найденная в Херсонесе и хранящаяся с 1895 г. в Эрмитаже; инв. № X 103) с изображением святых воинов Георгия и Димитрия⁸. Эта чрезвычайно близкая аналогия для изображения св. Димитрия на чаше из Сан Марко ускользнула от внимания Марвина Росса (рис. 2 и 3).

Изображения святого на обоих памятниках представляют редкое для произведений византийского прикладного искусства сходство: совпадает жест стоящего воина, извлекающего меч из ножен, его не вполне обычное (сочетающее элементы патрицианской и воинской одежды) одеяние, сходен тип лица и трактовка отдельных его частей. Мастера применили одинаковые приемы для передачи волос и для украшения хитона характерными зигзагами. Правда, хитон на херсонесской иконке несколько длинней и отчетливо видны полусапожки (кампаги), которые не различимы на чаше. Несколько иное положение фигуры на иконке скорее всего объясняется наличием второго воина — Георгия, к которому обращен Димитрий. Быть может, большие размеры херсонесского памятника (19,9 × 14 см; к сожалению, Марвин Росс не указывает размеры чаши, но, по-видимому, фигура воина довольно миниатюрна) обусловили возможность более тщательной передачи чешуйчатого доспеха. Впрочем, аналогичными ромбиками он трактован на фигуре Георгия. Близко, хотя и не абсолютно, совпадает

⁶ H. W e n t z e l. Datierete und datierbare byzantinische Kameen. — «Festschrift Friedrich Winkler». Berlin, 1959, S. 10—11, Abb. 2/3.

⁷ A. G r a b a r. Quelques reliquaires de Saint Démétrios et le martyrium du Saint à Salonique. — DOP, V, 1950, p. 1—28.

⁸ Наиболее тщательное и разностороннее исследование этого предмета принадлежит С. М. Гайдину (Резная шиферная икона свв. Димитрия и Георгия. — Сборник Государственного Эрмитажа, II, 1923, стр. 31—42).

Рис. 2. Деталь чаши:
св. Димитрий.

Рис. 3. Икона с изображением святых воинов Георгия и Димитрия. Сланец. Государственный Эрмитаж.

начертание надписи, в частности лигатура букв «Т» и «Р». В целом черты сходства, несомненно, преобладают над различиями.

Ряд исследователей датировал херсонесскую иконку X—XI вв. Ближе к истине, очевидно, Н. П. Кондаков и С. М. Гайдин, определившие время изготовления херсонесской иконы XI—XII вв. Отнесение Марвином Россом сосуда из Сан Марко к концу XII—первой половине XIII в. на основании весьма отдаленных аналогий не представляется убедительным.

Исходя из иконографических и стилистических особенностей обоих памятников (характера одежды, формы меча, трактовки лиц и волос), а также начертания надписей, представляется наиболее вероятной их датировка концом XI или началом XII в.

Особенно важен вопрос о локализации интересующих нас предметов. Как Марвин Росс, так и особенно С. М. Гайдин (независимо друг от друга) привели ряд убедительных доводов в пользу Фессалоники как вероятного места их изготовления. С. М. Гайдин писал: «Так как об искусстве Солуни мы знаем очень мало и число памятников ее чрезвычайно ограничено, то отнесение к числу солунских памятников Эрмитажной иконы придает ей особую ценность и значение»⁹. Со времени публикации работы С. М. Гайдина прошло более 40 лет; теперь об искусстве Фессалоники известно много больше — главным образом о ее монументальной живописи. Тем не менее, выявление еще одного памятника, связанного с этим вторым по значению византийским центром, представляет большой интерес. Его значение возрастает из-за близости к херсонесской иконе. Факт изготовления в одном центре двух произведений прикладного искусства, притом ис-

⁹ С. М. Г а й д и н. Указ. соч., стр. 42.

полненных в разных, хотя и сходных, материалах, дает опорную точку для более широких обобщений.

Как известно, исследователи византийского прикладного искусства располагают для периода X—XII вв. крайне ограниченным числом точно датированных (и тем более локализованных) памятников. Вместе с тем приходится встречаться с группами произведений, которые можно сблизить по тем или иным особенностям. Иногда это иконографические и стилистические признаки, а в некоторых случаях поражает сходство отдельных деталей. Автору этих строк приходилось обращать внимание на такого рода серии предметов, при изучении серебряных изделий XI—XII вв.¹⁰ На значительном числе памятников, изготовленных из стеатита и других пород камня, приходится наблюдать сходные, порой совпадающие элементы: иногда их сближает своеобразная типология лиц или характерные сдвоенные и перевязанные колонки, иногда привлекает к себе внимание относительно редкая форма так называемого норманнского щита; порой близки орнаментированные нимбы, или орнаменты, украшающие одежду или мебель, порой совпадает начертание надписи¹¹.

Совокупность совпадающих или близких деталей наводит на мысль об изготовлении группы предметов в одном центре, быть может, даже в одной мастерской. Географическое определение такого центра чрезвычайно затруднительно. Даже единое место находки не дает твердых данных, поскольку мелкие поделки могли перевозиться на далекое расстояние. Возникает сомнение, не случайно ли совпадение признаков? Приведенный пример значительной близости по ряду элементов двух памятников, по всей вероятности изготовленных в Фессалонике, заставляет относиться более оптимистически к возможности делать заключения о центрах производства на основании совпадения деталей изделий.

---

¹⁰ А. В. Банк. Византийские серебряные изделия XI—XII вв. в собрании Эрмитажа. — ВВ, XIII, 1958, стр. 211—221; XIV, 1958, стр. 234—242. См. также: А. В. Банк. Опыт группировки памятников некоторых отраслей византийского прикладного искусства XI—XII вв. — «Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1965 год». Л.—М., 1966, стр. 11—13.

¹¹ А. В. Банк. Quelques problèmes des arts mineurs byzantins au XIe siècle. — «Proceedings of the XIIth. International Congress of Byzantine Studies». Oxford. 5—10 September 1966. London, 1967, p. 237—239, pl. 1—4.